Проблемы и перспективы развития национального рынка катастрофного страхования

Саркисов Сергей Эдуардович — старший научный сотрудник Международного института проблем управления, президент Евразийского конгресса страховых организаций, кандидат экономических наук.

Глобальный экономический кризис, оказавший существенное негативное влияние на развитие национального страхового бизнеса, к сожалению, привел к переоценке реализации стратегий страхования катастрофных рисков в России. Глобальная модель «кредитной экономики» 1990-х, в основе которой лежал «перегретый» кредит доверия, позволила к 1995 г. завершить процесс конвергенции банковского, страхового и частного капитала и вывести на финансовый рынок новый класс инструментов — катастрофные облигации. Они сыграли существенную роль в трансфере рисков низковероятных событий типа природных катаклизмов и техногенных катастроф. Развитие международного рынка катастрофных облигаций в период с 1997 по 2007 г. характеризовалось устойчивой положительной динамикой вплоть до начала финансового кризиса. Прирост эмиссии в 1997 г. составил более 1 млрд долл., в 2005-м — 2 млрд, в 2006-м — 4,7 млрд, в 2007 г. — 7 млрд долл. Перед началом глобального финансового кризиса общая емкость рынка катастрофных облигаций, исключая производные инструменты типа свопов, составляла не менее 14 млрд долл.

Привлекательность таких инструментов для инвесторов очевидна, поскольку катастрофные облигации обладают высокой ликвидностью и повышенной ставкой по купонным выплатам, в то время как вероятность дефолта по ним достаточно низкая (зависит от вероятности наступления катастрофного события). Рыночный спрос на эти инструменты дополнительно подогревается также некоторым квотированием среди инвесторов. В настоящий момент основными инвесторами на рынке катастрофных долговых обязательств являются: банки — 13%, фонды хеджирования — 14, перестраховые компании — 4, страховые ком-

пании — 3, целевые специализированные инвестиционные фонды — 44, фонды портфельного инвестирования — 22%.

В условиях глобального финансового кризиса существенным положительным фактором для рынка катастрофных долговых обязательств (КДО) является предельно слабая корреляция с движением фондовых индексов, а также нечувствительность к инсайдерской информации. Распределение риска и дефолтирование КДО происходит на агрегатной основе с использованием целого спектра триггеров (дискретно-пороговых индексов).

В системе «базовый риск для спонсора — транспарентность для инвестора» сложившуюся систему триггеров можно проиллюстрировать следующей схемой (*рис. 1*).

Необходимо отметить, что для разных типов инвесторов привлекательность того или иного вида триггера может быть различной.

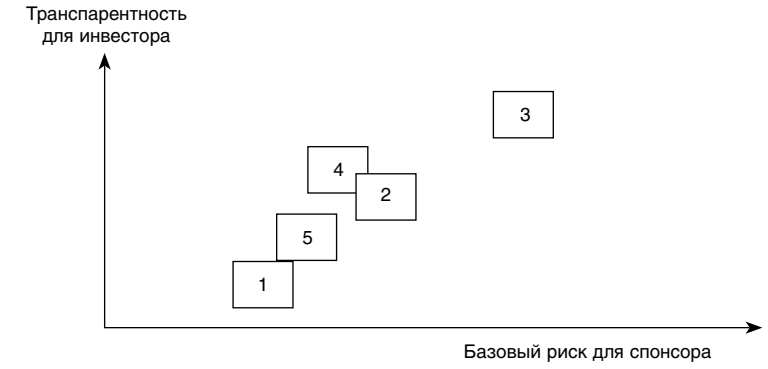
Рассматривая экономический аспект рисков, связанных с катастрофными событиями, можно отметить, что в системе координат «вероятность события — потери» по сравнению с другими классами глобальных рисков катастрофные события занимают далеко не экстремальные позиции. В *табл. 1* приведены оценки вероятности природных катастрофных событий и ожидаемых потерь.

По альтернативным оценкам, вероятность превышения ожидаемых потерь катастрофического характера может вообще находиться в диапазоне 0,5–1% (*рис. 2*).

Тем не менее абсолютные значения потерь от катастрофных событий остаются колоссальными. В 1990-х годах глобальные экономические потери от природных катаклизмов увеличились до 630 млрд долл. (в ценах 2000 г.) по

Рисунок 1

Сложившаяся система триггеров в системе «базовый риск для спонсора — транспарентность для инвестора»



1. *компенсационный, основанный на оценке реальных убытков;*
2. *индекс промышленных потерь, основанный на официальной средневзвешенной статистике потерь по промышленности;*
3. *чисто параметрический, основанный на объективных данных физического наблюдения (например, магнитуда землетрясения);*
4. *усовершенствованный параметрический с добавлением специальных математических моделей в расчетах;*
5. *синтетический модельный.*

Таблица 1

Риски природных катастроф и оценки ожидаемых потерь

Ожидаемый риск наступления события, %	Ожидаемые экономические потери, млрд долл.		
	2–10	10–50	50–250
1–5	Атмосферные загрязнения (вулканические выбросы)	Наводнения	Землетрясения, циклоны
5–10	Потеря биологического разнообразия, эпидемии сельскохозяйственных культур	Потеря пресноводных источников	Экстремальные изменения климатических параметров, засухи и опустынивание

Источник: [1]

Рисунок 2

Вероятность превышения ожидаемых потерь, %

сравнению с 41 млрд долл. в начале 1950-х годов. По данным швейцарской компании *Swiss Re*, только в 2003 г. глобальные экономические потери от природных катастроф составили 60 млрд долл., и это не считая 60 тыс. унесенных жизней. Представляют интерес и такие данные: в США, наиболее развитой стране мира, часть индустриального сектора, формирующего не менее 1/3 ВВП, является чувствительной к погодно-климатическим факторам (в ценах 2005 г. это около 4 трлн долл.).

Очевидно, здесь можно наблюдать наиболее показательные примеры катастрофных явлений. Самая суровая засуха за 40-летний период в 1988 г. — 61 млрд долл. (в ценах 2002 г., средневзвешенные ежегодные потери 6–7 млрд долл.), самый разрушительный ураган в 1926 г. в Майами — 90 млрд долл. (в ценах 2002 г., средневзвешенные ежегодные потери 5,1 млрд долл.; кстати, ураган «Эндрю» в этих ценах «стоил» всего 35 млрд долл.). Крупные снегопады обходятся стране в 2 млрд долл. ежегодно, задержки авиарейсов — в 3,2 млрд долл. ежегодно, самый разрушительный природный пожар в Калифорнии в 1991 г. обошелся в 3 млрд долл., самое «дорогое» наводнение — в 26 млрд долл. (в ценах 2002 г.), землетрясение в Нортридже в 1994 г. — в 30 млрд долл. Не вызывает сомнения, что ущерб от урагана «Сэнди», обрушившегося на Восточное побережье США в конце октября 2012 г., будет исчисляться трехзначными цифрами в миллиардах долларов.

Густозаселенной Японии землетрясение в Кобэ в 1995 г. обошлось уже в 147 млрд долл. Что касается России (СНГ), то здесь можно вспомнить Ташкент, Спитак и Нефтегорск, массовые пожары в 2010 г. и наводнения в районе Крымска в Краснодарском крае летом 2012 г. По данным *Munich Re,* текущая оценка глобального ущерба от природных катастроф в ценах 2011 г. выглядит следующим образом: только за первое полугодие 2012 г. потери составили 12 млрд долл. при суммарном ущербе 870 млрд долл. за период с 1980 по 2011 г.

Следует отметить, что природные катастрофные явления в связи с деятельностью человека проявляются и в других средах. Так, например, во время геомагнитной бури в 1994 г. были потеряны 2 канадских спутника связи общей стоимостью 400 млн долл., а в 1997 г. — коммуникационный спутник США ценой в 200 млн долл., геомагнитная буря в 1989 г. в Канаде привела в массовому отключению электричества в Квебеке; потери составили 300 млн долл. Средневзвешенные ежегодные потери от «космической непогоды» составляют 500 млн долл. А вот глобальные средневзвешенные годовые потери от эпидемических заболеваний промысловых видов рыб и моллюсков составляют не менее 1,5 млрд долл.

С макроэкономической точки зрения безусловный интерес представляет масштаб экономических потерь от природных катастрофных явлений, отнесенный к ВВП. В этом ракурсе анализа наиболее ярко проявляются проблемы экономической компенсации катастрофного ущерба. Статистический анализ природных катастрофных событий за последние 30 лет показывает, что для стран с развивающимися рынками средневзвешенные потери (по пятилетнему периоду) составляют 7,1% от объема ВВП, для малых государств они доходят до 34,7%. Существующий дисбаланс в уровнях социально-экономического развития стран в условиях глобализации и общего кризиса отражается, безусловно, и на культуре страхования. Так, согласно *табл. 2*, только 5% из 22 млрд долл. потерь от землетря-

Таблица 2

Дисбаланс в уровнях социально-экономического развития стран в условиях глобализации и общего кризиса

Катастрофное событие, год	Страна	Экономические потери, млрд долл.	Доля незастрахованных потерь от ВВП, %	Застрахованные потери в общих экономических потерях, %
Землетрясение (1999)	Измит, Турция	22,0	5	5
Ураган (1999)	Гондурас	3,0	34	6
Наводнение (1997)	Польша	3,5	3	6
Землетрясение (2001)	Индия	0,6	1	2
Землетрясение (1992)	Нортридж, США	43,0	0,3	47
Снежная буря (1999)	Франция	6,2	0	100

Источник: [2]

сения в Измите (Турция) в 1999 г. имели страховое покрытие по сравнению с 47% застрахованных потерь от землетрясения в Нортридже (США, 1992 г.), во Франции же экономические потери от снежной бури в 1999 г. были застрахованы на 100% — пример, достойный подражания!

На фоне огромных значений убытков возникает закономерный вопрос: существует ли вообще экономический агент, способный компенсировать столь масштабный экономический ущерб? Что касается представителей страхового бизнеса, то ответ однозначно отрицательный. Как показала практика, даже совместными усилиями страховые и перестраховые компании не в состоянии «переварить» катастрофное событие стоимостью 60–100 млрд долл. Ярким примером тому служит ураган «Эндрю» в США в 1992 г., приведший в конечном итоге к целой серии дефолтов страховых и перестраховых компаний.

Аналогичная ситуация складывается и с другим экономическим агентом в чистом виде — государством. Господствовавшая в 1990-х годах идея неолиберализма, предполагающая существенное ограничение социально-экономических функций государства, обусловила неспособность государства в полной мере и самостоятельно решать проблемы компенсации ущерба от природных катастрофных явлений. Как показывает статистика, приведенная в *табл. 3*, имеющиеся в распоряжении многих государств фонды финансирования чрезвычайных ситуаций были в десятки, а в некоторых случаях и в сотни раз меньше объемов прямых катастрофных потерь.

Таблица 3

Соотношение экономического ущерба к объему государственного фонда чрезвычайных ситуаций

Страна	Катастрофное событие	Год	Соотношение экономического ущерба к объему государственного фонда чрезвычайных ситуаций
Албания	Наводнение	2002	10
Хорватия	Землетрясение	1986	20
Босния	Наводнение	2001	40
Болгария	Наводнение	2005	30
Молдавия	Наводнение	1994	180
Македония	Наводнение	1995	60
Румыния	Землетрясение	1977	550
Румыния	Наводнение	2005	220
Сербия	Наводнение	1999	30
Словения	Наводнение	1990	30

Как показала практика, даже совместными усилиями страховые и перестраховые компании не в состоянии «переварить» катастрофное событие стоимостью 60–100 млрд долл.

Оптимистичная картина секьюритизации и развития рынка катастрофного страхования распространяется, к сожалению, не на все страны. Государства с развивающимися рынками и слаборазвитые страны в условиях кризиса по-прежнему сталкиваются с проблемой катастрофного дефолта локального страхового и перестрахового бизнеса. В этой ситуации практически вся социально-экономическая ответственность за покрытие катастрофного ущерба ложится на плечи государства. В частности, государство срочно и остро нуждается в финансовой поддержке аварийно-спасательных работ, однако финансовая помощь приходит, как правило, месяцы спустя. Технология традиционного страхования (в том числе государственного) требует выполнения строгой процедуры оценки ущерба, что также приводит к задержке страхового возмещения, а трансфер рисков на рынок перестрахования связан с проблемой волатильности страховых премий.

Обозначенные проблемы создают объективные предпосылки для создания частно-государственного партнерства в области катастрофного страхования. В принципе это следующая ступень развития рынка катастрофного страхования, поскольку она позволяет выходить с локального на транснациональный уровень создания финансовых пулов. Государство при этом может интегрировать суверенные обязательства (катастрофного типа) в международную систему трансфера рисков. Подобная схема уже создана и довольно успешно работает в Турции.

В этой сейсмоопасной стране традиционно была небольшая финансовая база страхования, а средневзвешенные годовые потери от землетрясений составляли около 1 млрд долл. После проведенного обследования территориального распределения ущерба в Турции в рамках государственно-частного партнерства был создан пул катастрофного страхования с участием Всемирного банка и международных перестраховых компаний. При этом само государство явилось эмитентом катастрофных облигаций с размещением на локальном и международном рынке. Управляющая компания пула является по статусу частной и выполняет функцию хэндлинга. Пул обеспечивает страховое покрытие в размере 1 млрд долл.,

Таблица 4

Сравнительный анализ схем трансфера катастрофных рисков для стран с развивающимися рынками

Показатель	Страхование	Резервные фонды	Связанные кредиты
Издержки до катастрофного события	Ежегодная выплата страховой премии	Ежегодные платежи в фонд	Платежи по обслуживанию
Выгоды после наступления события	Детерминированная идентификация убытков Ускорение финансовых потоков для катастрофной экономики	Резервирование фондов и процентной ставки Фонды сохраняются в случает отсутствия события	Немедленное финансирование Ускорение финансовых потоков для катастрофной экономики
Издержки после катастрофного события	Нет	Нет, если покрытие ущерба достаточное	Последующее обслуживание долга Снижение кредитного рейтинга
Риски	Теоретический риск банкротства страховой (перестраховой) компании	Риск истощения активов Риск плохого менеджмента	Риск плохого менеджмента Риск банкротства кредитной организации

включая 850 млн долл. перестрахования. В случае катастрофного дефолта Всемирный банк производит дофинансирование выплат в качестве отложенного кредита.

В *таблице 4* приведен сравнительный анализ схем трансфера катастрофных рисков для стран с развивающимися рынками.

В заключение, оценивая перспективы развития частно-государственного партнерства на рынке катастрофного страхования, следует отметить несомненную привлекательность этой формы взаимодействия государства и бизнеса. Статистика показывает, что ежегодно в Российской Федерации происходит 350–400 природных катастрофных явлений (их более 30 видов).

В силу геоклиматического положения России основными стихийными бедствиями являются наводнения (35%), ураганы и бури (19%). К сожалению, печальная статистика потерь и возмещений ущерба свидетельствует о недостаточном развитии инфраструктуры и степени секьюритизации катастрофного страхования.

России еще предстоит внедрение подобных инновационных продуктов и создание целого рынка катастрофных долговых обязательств с участием государства. Эффективные партнерские отношения здесь могут реализовываться не только в финансовой, но в и законодательной сфере, поскольку рынок катастрофного страхования требует достаточно жесткого регулирования.

Не менее важными остаются технологические проблемы реализации триггерных моделей. При существующем уровне развития гидрометеорологической службы в России достаточно сложно получать надежные (верифицируемые) данные для расчета индексов потерь. Этот факт еще раз подтверждает необходимость более тесного сотрудничества государственных структур, обеспечивающих качественный мониторинг на базе геоинформационных систем, со страховым сообществом.

ПЭС 12162/01.11.2012

Литература

1. A Global Risks Network Report 2009, World Economic Forum.
2. Swiss Re, IIASA.